

МТГА-IV

ПОБЕДИТЕЛИ ПЕРВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА
«НОВОЕ ИМЯ В ФАНТАСТИКЕ»

МТА

Сборник

**Победители Первого
альтернативного международного
конкурса «Новое имя
в фантастике». МТА-V**

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 82-822
ББК 94.3

Сборник

Победители Первого альтернативного международного конкурса «Новое имя в фантастике». МТА-V / Сборник — «ИП Березина Г.Н.», 2019 — (МТА)

ISBN 978-5-00153-122-7

Альтернативная литературная премия «Новое имя в фантастике» учреждена для того, чтобы вывести на издательскую орбиту за один год не менее трех талантливых авторов, прежде всего через западного издателя. Основная цель конкурса – перевод автора на европейские языки и продвижение его на западном рынке. В сборник МТА-V, издаваемый в рамках премии, вошли оригинальные, порой фантастические произведения победителей премии.

УДК 82-822
ББК 94.3

ISBN 978-5-00153-122-7

© Сборник, 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

Предисловие	6
Борис Алексеев	7
Планета-надежда	7
Вступление. Пакость фатального характера	7
Часть 1. Соприкосновение	8
Часть 2. Рождённый от крови	10
Часть 3. Рэм!	12
Часть 4. Первый монолог оружия	14
Часть 5. Шаман	14
Часть 6. Гибель Рэма	15
Часть 7. Ещё одна ошибка и...	16
Часть 8. Покаяние	17
Часть 9. Рэм умер, да здравствует Рэм!	18
Часть 10. Надежда подлежит восстановлению	19
Часть 11. Охота	20
Часть 12. Фиолетовый – цвет надежды	22
Фаддей Альхов	25
Поэтическая версия восточной легенды: О Великом Властелине	25
Шухая	
Сказание о Тун Ли и Великом Ване	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Коллектив авторов
Победители Первого альтернативного
международного конкурса «Новое
имя в фантастике». МТА-V

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Предисловие

Приветствуем вас, дорогие читатели!

Аббревиатура «МТА» известна завсегдатаям интернета. Она расшифровывается как «Молодой талантливый автор» и обычно употребляется в ироническом значении.

Но авторы, которых объединила эта книга, действительно талантливы и молоды – потому что настоящее дарование не знает возраста.

Основное направление сборника – фантастика во всех ее видах, которая, возможно, лучше всего подходит, чтобы выразить суть нашего времени и донести до читателя идеи.

Кто-то, пролистав книгу, заметит, что идеи, выраженные в ней, не так чтобы новы. Проблема бессмертия, опасность смелых научных экспериментов, ответственность демиурга – обо всем этом в фантастических произведениях много раз говорилось.

И будет сказано еще много раз, потому что идеи, которым посвящены рассказы и повести этого сборника, не старые и не новые. Они вечные. Но когда о давно известном сказано не так, как раньше, молодым творческим голосом, оно меняется, обретая новое значение.

Сюрпризом для наших читателей станет то, что в сборник вошли и стихи, притом самых разных жанров – от легкой лирики до яркой лиро-эпической поэмы и даже философская поэзия почти в античном духе, посвященная, что символично, таинственной Гиперборее.

В этом сборнике современная фантастическая литература представлена как никогда разнообразна. Надеемся, что в путешествии по его страницам читателей ждет много приятных открытий.

Вероника Лапина

Борис Алексеев

Планета-надежда

Вступление. Пакость фатального характера

– Я так считаю: на Земле человек стал эдаким беспечным всезнайкой. Ничем-то его не удивишь. Космос – другое дело! В космосе чем больше ты знаешь, тем глубже твоя граница с незнанием. Космическая одиссея возвращает нам способность удивляться!

– Ромул, оставьте эмоции. Комиссию интересует только ваша техническая версия случившегося.

– Техническая? Пожалуйста. В считанные секунды непредвиденное обстоятельство превратило нашу Планетарную миссию в жалкую, примитивную катастрофу. Я понимаю, вас интересует человеческий фактор. Искать причину аварии в действиях стрелочника – неистребимая особенность нашего врождённого раболепства! Однако смею утверждать и настаиваю: случившееся с нами – обыкновенная пакость фатального характера. И только.

Вечером того же дня.

– Ромул, здорово ты этих комитетчиков припечатал! Они уже и Верховному списочек составили. Вали на мёртвых, им что!

– Слушай, Рэм, найди мне толкового скульптора. Я обещался поставить памятник ребятам. Если Комитет не прочухается, поставлю сам.

– Почему ты сказал «Рэм»? Я Кларк...

...Рабочая капсула отделилась от орбитальной станции и в штатном режиме вошла в плотный атмосферный слой крохотной планеты Урия¹.

Когда до расчётного квадрата посадки оставалось меньше полутора тысяч метров, на поверхности планеты началось мощнейшее извержение вулкана с выбросом радиоактивного пепла. Все приборы капсулы мгновенно зашкалили. Защита, блокированная контуром i-ri и не рассчитанная на бомбардировку быстрыми нейтронами, которых практически нет в открытом космосе, не сработала. В результате вместо мягкого и контролируемого приземления капсула воткнулась лоб в лоб в гранитный выступ скальной гряды. Сотрясение было настолько велико, что все четыре мои товарища, находившиеся в переднем обзорном отсеке, погибли мгновенно. Меня же спасло то обстоятельство, что за минуту до удара я отлучился в «Отсек биологических процедур», находящийся в хвосте капсулы (проще говоря, в сортир). Богу было угодно, чтобы деформация корпуса остановилась в нескольких перегородках от того места, где я, собственно, и «принимал процедуру». По этой нелепой случайности мне удалось обменять смерть на пару отменных шишек на голове и лёгкую контузию в области таза.

Оглушённый ударом, шатаюсь, как пьяный, от сотрясения и испарений какой-то разлившейся гадости, я прошёл в головной отсек, вернее, в то, что от него осталось, и по трупам товарищей стал пробираться к выходу. Вдруг я почувствовал в голове резкую боль. Казалось, огромный молот плющит мои полушария. Будто ветром, меня качнуло в сторону, я повалился на застрявшую в падении перегородку и потерял сознание.

Через неопределённое время я очнулся и тупо поглядел в иллюминатор. Активная фаза извержения закончилась, и вместо огненных языков лавы по склонам перекачивались огром-

¹ Урия – др. – еврейское имя, в переводе означает «Бог – мой свет» (для особо любознательных: Урия – представительница периферийной планетарной системы ближайшей к нам звезды класса Солнца HD6830, расположенной в созвездии Кормы).

ные комья фиолетовых сгустков пепла. У выходного шлюза мне почудился странный гул. Гул нарастал. Я перевёл взгляд вниз и увидел, что повреждённая капсула окружена толпой воинственных живых существ, антропологически схожих с нашими далёкими предками. Должен признаться, несмотря на трагедию момента, зрелище захватило меня! У подножия разбитого вдребезги сверхметалла что-то кричала, потрясала каменными орудиями труда и металась из стороны в сторону ожившая иллюстрация из книги о раннем периоде развития человечества.

В голове моей всё смешалось. Ужасный вид мёртвых астронавтов в разорванных скафандрах, живые комиксы с дикарями снаружи, разбитая в хлам аппаратура – всё переплелось в липкий причудливый ком визуальной грязи. Я обхватил руками голову и сжал ладонями виски, стараясь удержать в равновесии рассудок, накренившийся, как крыша соломенного домика под тяжестью мартовского снега.

Часть 1. Соприкосновение

Токсичность воздуха в капсуле увеличивалась с каждой минутой. Аварийный запас баллонов с кислородом оказался уничтожен столкновением, поэтому оставаться доле взаперти не имело никакого смысла. Я собрался с духом и ослабил гидравлику выходного шлюза.

Центральный бортовой компьютер, сохранивший (это невероятно!) работоспособность после аварии, объявил по селектору состав урийской атмосферы и добавил, что первичный анализ допускает контакт с бионикой среды без поддерживающих систем дыхания и температурной регуляции. «И то слава Богу, – подумал я. – Судя по всему, мне здесь явно придётся задержаться».

Шлюз медленно наполнился воздухом Урии. Воздух был абсолютно прозрачен, но имел лёгкий фиолетовый оттенок. Я осторожно вдохнул его фиолетовую струйку, и тут же по всему моему телу разлилось сладостное ощущение покоя и бессодержательного веселья. «Ох, не к добру!» – подумал я, пряча улыбку.

Последние аварийные «челюсти» шлюза распахнулись, и механический трап медленно пополз к поверхности планеты. «Ты гляди, мы ещё что-то можем!» – воскликнул я, с каждой минутой всё больше пьянея от испарений фиолетового урийского «самогона».

На моё появление в створе выходного люка толпа у подножия капсулы отреагировала мёртвой тишиной. Не менее тысячи глаз из-под косматых смоляных бровей пожирали меня со смешанным выражением любопытства и страха.

А теперь представьте моё положение: за спиной – трупы мёртвых товарищей, впереди – дикая, непредсказуемая масса коренного населения планеты. И я, оглушённый случившимся, в состоянии аффекта должен приступить к историческому диалогу двух цивилизаций!

Я развёл руки в стороны, подавая туземцам таким образом знак о своём миролюбии. По толпе прокатился одобрителный гул. Ага, значит, поняли! Не опуская рук, я начал спускаться по трапу вниз. Каждый мой шаг толпа сопровождала гулким «у-ух» и чуть более сторонилась капсулы. Наконец я перенёс центр тяжести с последней ступени вперёд и ступил на каменистую поверхность планеты Урия.

Кровь ударила в виски – свершилось ещё одно грандиозное событие в познании Вселенной. Однако печальные обстоятельства за моей спиной не располагали к фундаментальной радости, скорее наоборот. Я вспомнил слова святого старца Пафнутия: «Трезвей, трезвей, душа моя!» – и усилием воли вернул себе утерянное внимание.

«Что они со мной сделают, когда перестанут бояться? Съедят, наверное», – подумал я, продолжая вдыхать упоительную местную аромату. И если ум лихорадочно выстукивал алгоритм ориентации «да – нет», то круговая мышца рта продолжала глупо улыбаться в ответ на озадаченные выражения лиц туземцев.

Четыре высокорослых существа отделились от толпы и мелкими пружинистыми шажками направились ко мне. Так кошка, повинаясь инстинкту, подкрадывается к опасной добыче, которая может расправиться с ней самой.

«Парламентеры» остановились метрах в пяти от трапа. Поразительно! Все четыре дикаря внешне были абсолютно похожи друг на друга. Вы усмехнётесь: дикари схожи по определению. Согласен, для европейца подметить различия двух китайцев – большая проблема! Но тут было иное. Передо мной стояли настолько одинаковые экземпляры, что закрадывалась мысль... об их последовательном клонировании. Забегая вперёд, скажу: именно так и оказалось.

Один из подошедших поднял вверх руку. Толпа одобрительно закивала головами и опустилась на колени. Я понял: передо мной вождь и свита. Вождь, продолжая указывать в небо, вытянул другую руку в мою сторону. Он что-то предлагал мне, и я обязан был ему ответить. Но что? Есть правило: когда не знаешь, как поступить, повтори уже известное. И я, копируя движения дикаря, так же поднял правую руку вверх, а левой указал на него. Вождь, не опуская рук, направился ко мне. Я зашагал ему навстречу. Через пару мгновений наши пальцы коснулись друг друга. Как только это символическое касание произошло, толпа поднялась с колен и огласила окрестность рёвом ликования.

Я понял сакральный смысл происходящего. Сверкающий серебристый скафандр с кучей причудливых прибаамбасов роднил меня в сознании дикарей с Божественным пришельцем, ожидание которого всегда присутствует в разумной материи, независимо от уровня её эволюционного развития.

Получив «благодать» методом прикосновения к «божеству», вождь отправился раздавать её соплеменникам. Двойники (их он коснулся в первую очередь) тоже направились в народ, торжественно вознося правую руку вверх как символ небесного соприсутствия.

Восторженная церемония дикарей напомнила мне Земное отечество, детство и воскресную службу в храме, счастливые лица прихожан, отходивших от Чаши с кусочками Тела и Крови Господней...

Благостные воспоминания прервала трезвая мысль-негодница: не надумают ли дикари меня самого превратить в некое «причастие»? Мысль о том, что я могу рассыпаться (вернее, разрезаться) на «благодатные» кусочки, равно как и просто быть съеденным без гарнира, вернула мне чувство опасности. Твердили же нам все пять лет обучения в университете астронавтики: «Чувство опасности – ваша нить Ариадны в космической одиссее!»

Дикари, не ведая о моём страхе, по очереди выходили из толпы и складывали передо мной подношения. Вскоре выросла целая гора разнообразных предметов – от каменного острия стрелы до мохнатого скальпа какого-то животного. Торжественный вид собравшихся недвусмысленно говорил, что появление капсулы они расценивают как чудо и вождь объявляет по этому случаю великий праздник. Действительно, коричневые лица туземцев искрились предвкушением праздничного веселья.

Вдруг огромная чёрная птица, похожая на древнего ящера – птеродактиля, сорвалась с верхушки скалы и камнем упала в толпу дикарей. Вонзив острые когти в одного из них, она пыталась взлететь, но со всех сторон десятки рук ухватили её за взъерошенные подкрылки. Силы были явно неравны. Птица, орудуя клювом, стряхивала нападавших одного за другим. Но действия дикарей на некоторое время задержали расправу над беднягой, зажатым в железных когтях рептилии, и это позволило свершиться невероятному!..

Несмотря на ужасную боль и распятое состояние, несчастный пленник изловчился и достал из болтавшейся за его спиной плетёной сумы какой-то острый предмет. Этим предметом (видимо, заточенным камнем) он рассёк руку от плеча до ладони. Кровь брызнула из раны. И я оказался свидетелем настоящего чуда. Чуда по всем земным и планетарным меркам!..

Случилось вот что. Брызнувшая иссиня-фиолетовая кровь на моих глазах стала образовывать некую странную форму. Форма росла и в конце концов превратилась... точно в

такого же дикаря, что был захвачен птицей. Единственное отличие от первообраза состояло в отсутствии набедренной повязки у новоявленного клона. Как только трансформация крови завершилась, нападавшие дикари отпустили птицу. Рептилия, взмахнув огромными крыльями, грузно поднялась в воздух и понесла прочь свою добычу. А собратья, обступив новорождённого двойника, гладили его плечи, руки и указывали на меня, сообщая языковым клёкотом новому члену стаи какую-то вводную информацию.

Я был совершенно потрясён случившимся. Да, мы научились клонировать биоорганизмы любой сложности, в том числе человека, но это – прежде всего технология! А чтобы вот так запросто из секрета крови создать полное подобие с помощью обыкновенного камня? И кто – дикий, полуживотный антропос!..

Часть 2. Рождённый от крови

Над горизонтом клубились ранние фиолетовые сумерки. Рыжее (ржавое) урийское солнце медленно садилось за остроконечные выступы гор. Сочетание тёплого оранжевого солнечного света и холодного фиолетового отлива атмосферы подкрашивало «ландшафтный дизайн» необычайно живописными рефлексами и светотенями. Я даже на некоторое время забыл о происходящем вокруг и залюбовался вибрацией цвета, которая превращала все окружающие предметы в источники красоты.

«Мои товарищи! – как молния сверкнула горькая мысль. – Четыре мёртвых товарища в разрушенной капсуле!..» Я поспешил к трапу. У трапа ко мне подошла всё та же четвёрка. Один из них встал передо мной на колени и протянул руку. На ладони я увидел небольшой камень с острым, как лезвие бритвы, краем и глиняную чашечку, наполненную до краёв густой фиолетовой жидкостью.

Опять загадка! Он мне что-то предлагал. Но что? Я оказался в цейтноте и от напряжения непроизвольно нахмурил брови. Дикарь воспринял мой «рассерженный» вид как проявление «божественного неудовольствия». Он повернулся и махнул кому-то рукой. Тут же рослый волосатый туземец оказался перед ним на коленях.

Вождь поднял тяжёлую руку верзилы и камнем рассёк её от запястья до локтя. Из раны брызнула фиолетовая кровь. Тотчас упавшие на камни сгустки крови стали непроизвольно соединяться друг с другом, образуя какую-то осмысленную форму. Форма стремительно росла и превратилась в конце концов... в копию верзилы! Мне с трудом хватило сил сохранить своё «божественное» достоинство и не рухнуть в обморок к ногам дикарей.

Сгибаясь до земли, подбежали несколько членов стаи. Они обхватили материализовавшегося верзилу-клона и, согнув его буквально пополам, поволокли в сторону. Вождь ещё раз протянул мне чашу, предварительно пригубив от неё глоток. Я понял: мне также предлагается выпить чудодейственное фиолетовое содержимое. Я согласился, взял из рук вождя чашу и отпил глоток фиолетовой влаги. Безвкусное инертное вещество тихо и безболезненно разбежалось по моему организму. По прошествии минуты я почувствовал прилив сил и необычное жжение в области груди. Вождь протянул мне камень. При виде камня я почувствовал непреодолимое желание рассечь руку. Она ныла, чесалась и всячески обращала на себя внимание. Я взял камень с ладони вождя, закатал по локоть гофру скафандра и рассёк руку. Из раны брызнула красно-фиолетовая кровяная струйка.

Ещё в воздухе, прежде чем коснуться каменистой насыпи, кровь стала образовывать форму, всё более и более напоминавшую человека. Ещё секунд через десять на ступени трапа стоял и широко открытыми глазами оглядывал происходящее совершенно голый мой абсолютный двойник. Наконец он увидел меня, и его взгляд застыл неподвижно. Я смотрел на него, как в зеркало, и горячие слёзы готовы были брызнуть из моих глаз. К нам опять подбежали несколько дикарей и прикрыли моего двойника куском роскошной власяницы.

О, зрелище! Два совершенно одинаковых человека, один – в межпланетном гидравлическом скафандре, другой – прикрытый перекинутой через плечо власяницей, стоят и смотрят друг другу в глаза. Один – с изумлением и страхом, другой – с радостью и надеждой...

Вождь издал гортанный крик, похожий на крик земной чайки: «Ва!» Что означал этот крик, я понял, потому что послушное племя попятилось назад и стало расходиться. У трапа остались я, мой брат-близнец (как по-другому скажешь?) и четверо вождей, похожих друг на друга как четыре капли воды. Я пригласил вождей в капсулу. Они поднялись по трапу и вошли вслед за мной в рабочий отсек, где лежали исковерканные тела моих несчастных товарищей. Я внимательно следил за мимикой дикарей в надежде, что их реакция на увиденное подскажет мне дальнейшие действия. Они же в свою очередь решили, что я одержал победу в схватке с другими божествами, и с ещё большим трепетом глядели на меня, ожидая царственных распоряжений.

Я жестом указал на мёртвых астронавтов и опустил руку указательным пальцем вниз. Вожди оказались вполне сообразительными собеседниками. Они поклонились и один за другим спустились по трапу.

...Я вглядывался в мёртвые лица друзей и меня охватывал ужас от невосполнимости свершившейся потери. Сердце ныло от боли и стыда за то, что Высшие силы избрали из нас пятерых именно меня к продолжению жизни. Чем я оказался лучше их? Вот лежит Орланд, командир нашего экипажа, заслуженный астронавт, умница. Скольких ребят он спас, рискуя жизнью! А вот «пристроился» рядышком с вдавленной в грудь осевой балкой аварийной гидравлики Стёпка, биолог, гений нанокOMBинаторики и знаток всех анекдотов от сотворения мира...

От переживаний сердца я, по-видимому, впал в сегментный анабиоз и совершенно потерял ощущение времени. Привёл меня в чувство... мой кровный брат. Он подошёл и обнял меня за плечи.

– Ты жив, и это главное, – тихо сказал он, прижимаясь щекой к плечевой гофре скафандра.

Это были первые слова, сказанные братом с момента его «рождения». Я очнулся и посмотрел ему в глаза.

– Ты говоришь как я?

– А как я должен говорить? Я многого не знаю. Но ведь ты расскажешь мне? Скажи, кто они?

Брат указал рукой на погибших астронавтов.

Я кратко ответил ему. Затем, открыв дверцу отсека доп. оборудования, достал бельё и предложил одеться. Наблюдая за его движениями, я заметил, что одевался он так, будто совершал эту процедуру многократно. Я невольно улыбнулся и тут же осёк себя. Радость в окружении мёртвых товарищей была неуместна.

Послышались призывные голоса дикарей.

– Они зовут нас. Всё готово.

Мои брови опять поползли вверх.

– Ты понимаешь их язык?

– Конечно, я один из них.

– Но...

– Да, представь себе!

Брат улыбнулся и направился к шлюзу. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

Часть 3. Рэм!

С верхней площадки трапа я увидел, что дикари уже вырыли небольшую аккуратную яму недалеко от капсулы. Возле ямы была навалена горка земли. Её необычный цвет поразил меня и даже отвлек внимание от ритуала предстоящего погребения. С минуту я разглядывал лазурно-фиолетовые каменистые образования.

– Они спрашивают, что им делать дальше, – шепнул на ухо брат, возвращая меня к происходящему.

– Ответь им, пусть помогут здесь.

Брат махнул дикарям рукой, приглашая подойти к капсуле.

Мы аккуратно выпутывали мёртвые тела астронавтов из всклокоченной аппаратурной дыбы и спускали по трапу вниз. Дикари принимали тела и несли к яме. Когда всех четверых героев перенесли к последнему пристанищу, я попросил брата перевести мои прощальные слова:

– Прощайте, Орланд, Геометр, Степан и Полладий. Пусть фиолетовый мрак Урии станет вашим вечным космическим домом. Клянусь, если мне удастся вернуться на Землю, я расскажу о вашем подвиге. И люди поставят в вашу память обелиск Славы...

Брат, насколько хватало сообразительности, переводил, вернее, толковал мою речь. Я видел, как он страдает от непонимания большинства сказанных мною слов. Тем не менее его голос взволнованно вторил моим словам, а четвёрка дикарей одобрительно кивала головами.

Мы бережно опустили тела на дно ямы. Дикари принялись деревянными скребками забрасывать посверкивавшие в сполохах закатного неба серебристые скафандры астронавтов. Вскоре ямы не стало. Я попросил принести валявшиеся неподалёку сухие ветви старого упавшего от ветра дерева и сделал из двух наиболее толстых ветвей крест. Установив крест в рыхлую твердь каменистого фиолета, я тихо произнёс: «Пусть Урия будет вам пухом, друзья. Простите меня, окаянного, что остался жив и не погиб вместе с вами. Бог для чего-то разделил нас. Прощайте».

– Могут ли они идти в деревню? Уже поздно, – обратился ко мне брат.

– Поблагодари их и пусть уходят, – ответил я.

Дикари ушли, а мы вернулись в капсулу. Следовало первый раз за долгий урийский день хоть что-нибудь перекусить. Я достал провиант, разлил в две пластиковые чарки красное сухое вино и протянул одну из них брату. Его лицо изобразило беспокойную гримасу непонимания.

– Пей, это можно, – улыбнулся я и отпил первым.

Мы начали трапезу. Мой молчаливый собеседник с удивлением разглядывал тубики с разнообразными яствами. Заморская еда с каждой новой тубой ему нравилась всё больше, и он за вечер отменно опустошил драгоценные запасы экспедиции.

– Э-э, да тебя не прокормишь! – улыбнулся я, приходя в лёгкое расположение духа после трёх-четырёх выпитых чарок.

– Слушай, брат! – Мне захотелось придать словам оттенок торжественности. – Моё имя Ромул. А тебя я назову... Рэм! Ты только представь: Ромул и Рэм – основатели Рима! Рим? Э-э, потом, про Рим я тебе расскажу потом, это долго. Ты согласен?

– Согласен, конечно, согласен, – задумчиво, растягивая слова, произнёс Рэм (он пил наравне со мной, причём первый раз в жизни!). – А скажи, брат, в твоём племени все имеют такие красивые сверкающие одежды, как ты и твои погибшие друзья?

– Идём!

Я взял Рэма за руку и вывел на верхнюю площадку трапа. Огромные лиловые звёзды царствовали в чёрном фиолете неба.

– Где-то там, за большими звёздами, есть крохотная звёздочка с названием Солнце. А среди множества планет, которые, как комарики на болоте, кружат вокруг неё, есть и моя планета...

– Что значат твои слова «комарики на болоте»?

Пересказывая Рэму историю Земли, я невольно анализировал его реакцию. Оказалось, что фундаментальные знания он воспринимал легко, и мне не приходилось пускаться в бессмысленные и дотошные разъяснения. Но тонкости земной жизни, которые я извлекал скорее из глубины своего житейского подсознания, вызывали у Рэма вопросы, на которые он сразу же стремился получить ответ.

– Вы прилетели на Урию. Зачем?

– Понимаешь, Рэм, смысл разума, если можно так выразиться, в непрерывном движении вперёд. Разум идёт по следам Бога. Он и привёл нас сюда.

– Кто привёл? Бог?

– Да нет, я же тебе объясняю: ра-зум, покоритель Вселенной! Вселенная, понимаешь?

– Вселенная... – мечтательно повторил Рэм. – А как ты думаешь, почему Бог не подарил вам Вселенную? Почему вы должны её завоёвывать, жертвуя, как ты говоришь, жизнями лучших из людей?

– Странный вопрос! Бог подарил нам разум. А разум – это ключ, который помогает открыть сундучок с тайнами мироздания. Понимаешь?

– Нет, не понимаю. Но слышу, как твоя память произносит имя Пандора. Кто это?

– Ты слышишь мысли?!

– Ну да, это просто. И мои братья слышат мысли друг друга, поэтому наша речь так не развита. Они слышат и твои мысли, но не понимают их смысла.

– Пандора, говоришь? – Я на мгновение задумался. – Да, была такая любопытная особа. Некто Зевс подарил ей красивый ящичек с уговором, что ни в коем случае она не станет открывать его самостоятельно. Но разве можно унять женское любопытство словом! Конечно, Пандора приоткрыла крышку. Она не хотела открывать, она хотела просто посмотреть, что находится в ящичке. Увы, как только образовалась щель и в темноту ящичка брызнул луч солнечного света, наружу вырвались все возможные несчастья и беды. Это было ужасно! Пандора в страхе захлопнула крышку, но поздно. На дне ящичка осталась единственная представительница житейского ремесла – недотёпа Надежда...

– Поучительная история, – произнёс Рэм, зевая и с трудом приподнимая отяжелевшие веки.

Мне вдруг показалось, что этот однодневка-фигляр замахнулся ни много ни мало на смысл разумного обустройства Вселенной! И зачем я ему про Пандору стал рассказывать?

Чтобы побыстрее закончить щекотливый разговор, я набрал в лёгкие воздух и пробасил:

– Я, Аслонов Ромул Полладьевич, принимаю командование личным составом космической экспедиции на себя. Слушай мой приказ – всем спать!

– Ой-ё-ёй, напугал даже! – пробурчал Рэм. – И, как сидел, повалился на ближайший плоский выступ аппаратуры.

Я смотрел на похрапывающего Рэма и припоминал невероятные обстоятельства его появления на свет. Так душа смотрит со стороны на покинутое тело. Что ж, первый день его жизни завершился. «Какой же он ещё маленький, этот верзила!» – улыбнулся я. Никогда не думал, что смогу любить другого человека, как себя. Мне всегда эта христианская заповедь казалась надуманной. Однако то, что произошло сегодня, круто изменило моё понимание жизни, сложившееся за тридцать лет земного обустроенного благополучия.

Часть 4. Первый монолог оружия

Утром нас разбудил непонятный шум, похожий на прощальный клёкот стаи умирающих птиц.

– Они плачут, – пояснил Рэм, протирая глаза.

Действительно, многотысячная толпа дикарей, убитая горем, стонала и проливая слёзы у подножия трапа. Каждый из них воздевал руки к небу, потом опускал вниз, сжимая ладонями лицо, и снова простирали вверх. Они что-то выкрикивали, но более всего сокрушённо мычали: «Ы-а, ы-ы!..»

– Рэм, почему они плачут?

– Они горюют оттого, что ты пренебрёг их подарками. Тебе следовало их забрать. Это моя вина. Я должен был вчера сказать тебе об этом.

– Передай, что я принял дары и благодарю их...

Я хотел добавить ещё пару соображений, успокаивающих этот милый и наивный народ, но в этот миг уже знакомая огромная чёрная птица появилась над толпой. Она парила, расправив многометровые крылья и вытягивая перед собой когтистые лапы, намереваясь схватить очередную жертву. Я сорвал с аварийного щита лазерный модулятор и выбежал на площадку трапа. На долю секунды мой огненный луч опередил последние приготовления птицы. Как подогретый нож входит в масло, так лазерная нить мгновенно разрешила птицу напополам. Оперение вспыхнуло подобно факелу. Изумлённые дикари отпрянули от горящего чудовища и один за другим попадали ниц, прикрыв лоскутами шкур свои косматые головы. Страх и религиозный трепет объяли стаю. Наступила гробовая тишина, нарушаемая только треском горящего оперения.

Постепенно дикари стали приходить в себя и подниматься, с ужасом поглядывая то на огромный догорающий факел, то на меня.

Решив, что настал подходящий момент для утверждения собственной безопасности, я шепнул Рэму:

– Скажи им, что я буду говорить.

Рэм перевёл мои слова. Дикари опустили головы и приготовились слушать.

– Слушайте все! – начал я. – Сегодня великий день. Я называю этот день «Тхао». Отныне вы не должны бояться большой чёрной птицы! Чёрная птица мертва. Вы и ваша деревня в безопасности. Радуйтесь и веселитесь!

Как только Рэм перевёл мои последние слова, толпа дикарей огласила долину восторженным кликом ликования. Они трясли руками, размахивали шкурами и хватили друг друга за волосы. Я смотрел сверху на эту вакханалию радости и размышлял: что общего может быть между планетарными целями землян и этими дикарями, для которых эволюция разума ещё не стала насущной потребностью? да и станет ли?

От толпы отделилась небольшая группа морщинистых седовласых дикарей, по-видимому старейшин, и уже знакомая мне четвёрка вождей племени. Они подошли к трапу.

– Тебя приглашают в деревню, – сказал Рэм.

– Переведи: я согласен, – коротко ответил я.

Часть 5. Шаман

Окружённые тысячами любопытных глаз, мы с Рэмом вышагивали по дороге, ведущей в деревню. Вскоре показались первые землянки и хижины поселения. Повсюду горели костры. Пожилые женщины с отвислыми грудями жарили на огне еду. Ватаги голых и счастливых малышей носились от одного костра к другому, выпрашивая еду или кости для игр. В центре деревни

высилось сооружение из коряг, перевязанных лианами. На возвышении сидел поросший волосами дикарь и мерно постукивал ладонью по круглой пластине из какого-то очень гулкого дерева.

– Это учитель жизни, – шепнул мне на ухо Рэм.

– По-нашему шаман, значит, – усмехнулся я.

Мы подошли к возвышению. Дикари – все до единого, даже старейшины – поклонились шаману в пояс. Поклонился и Рэм. Один я остался неподвижен и с интересом разглядывал существо чудовище, наполовину прикрытое лоскутами разодранной шкуры-власяницы. Шаман зыркнул на меня горящими как угли глазами и протянул трясущуюся руку, указывая на камни под ногами.

– Он плачет о том, что ты не поклонился, – тихо произнёс Рэм, не поднимая головы. – Поклонись, Ромул, тут так принято.

Слова Рэма смутили меня. С какой стати бог в моём лице должен кланяться съехавшему с катушек «учителю жизни»? Я отыскал на груди нательный крестик и демонстративно направил его на шамана. Боже, что тут произошло! Волосатый нетопырь взвизгнул как поросёнок и повалился с высоты нагромождённых коряг прямо на уличные камни. Похоже, он крепко приложился головой, так как с минуту лежал запертво. Стая со страхом смотрела на происходящее. Даже ребятишки попрятались за спины взрослых и притихли. Через минуту шаман открыл маленькие, повитые злобой глазёнки. С помощью двух подбежавших дикарей он кое-как поднялся и, потешно крича, размахивая руками и сплёвывая по сторонам слюну, помчался на дальний конец деревни.

Как только его не стало, я почувствовал странный враждебный холод, который исходил от окружавшей меня толпы дикарей.

– Что-то сейчас будет, – шепнул Рэм. – Надо уходить.

Вокруг меня встала четвёрка вождей, к ним примкнули несколько старейшин, а напротив колыхалось море тупых озлобленных глаз аборигенов, сгорающих от желания отомстить мне за любимую игрушку, которую я только что отнял у них.

Толпа сделала несколько шагов вперёд. Казалось, ещё мгновение, и она бросится на нас. Тут я вспомнил об аварийной ракетнице, упакованной в резервный карман правого голенища. Я выхватил сигнальный пистолет и произвёл выстрел вверх. С шумом и свистом ракетная капсула взмыла в воздух и там, совершив хлопок, рассыпалась на множество ярких разноцветных салютинок.

Толпа туземцев снова попадала на землю.

– Надо торопиться, пока они не опомнились! – твёрдо сказал Рэм и направился из деревни. Я поспешил за ним в окружении вождей и старейшин.

Часть 6. Гибель Рэма

Рэм оказался прав. Когда через полчаса мы быстрым шагом подошли к трапу, я обернулся и увидел облако пыли, поднимавшееся над долиной. Напряжённый топот многотысячной толпы не оставлял надежды на благополучный исход дела.

Подталкивая медлительного Рэма, я поднялся по трапу и задраил аварийный люк шлюза. Вожди и старейшины следовать за нами не стали.

Минут через десять толпа окружила капсулу. Все что-то громко кричали и угрожающе размахивали руками.

– Ромул, только что они готовы были носить тебя на руках. А теперь?.. – с печалью в голосе сказал Рэм, поглядывая в иллюминатор.

– Добро и зло рожают философа Рэма, не так ли! – вяло улыбнулся я, порядком устав от всей этой урийской первобытной неразберихи.

Тем временем самые отважные из дикарей стали сносить и складывать под капсулу хвост и сучья поваленных деревьев.

– Они хотят нас поджечь! – воскликнул Рэм. Бессмысленная затея дикарей его напугала.

– Послушай, Рэм. То, что я тебе сейчас скажу, ты всё равно не поймёшь, но почувствуешь и успокоишься. Корпус капсулы рассчитан на мегаватты лобового соприкосновения с источником тепловой энергии, поэтому низкотемпературная плазма, или, иными словами, пионерский костёр, который вознамерились разжечь твои соплеменники, нам попросту не опасен.

Рэм пожал плечами и послушно выдохнул.

Вдруг поток света в иллюминаторе превратился в чередование серых и чёрных пятен. По небу пронеслись тёмно-фиолетовые тени. Мы с Рэмом прильнули к стеклу и ахнули. Десятки огромных чёрных летающих ящеров кружили над толпой. Уже через несколько секунд один за другим они стали пикировать, выхватывая из толпы жирные куски лакомства. Началась паника. Пытаясь укрыться от прожорливых гигантов, дикари давили друг друга и бежали прочь. Отбежавшие от толпы одиночки оказывались наиболее легкой добычей крылатых чудовищ. В иллюминатор было видно, как перепуганные старейшины и вожди поднимались по трапу, протягивали к шлюзу руки и молили впустить их. Я заметил, как одна из птиц, сделав резкий разворот, сложила крылья и стрелой понеслась к лестнице.

– Ромул, открой им! – плача, воскликнул Рэм.

Я медлил. Во мне вдруг проснулось ветхое чувство обиды за самого себя. «Почему я должен рисковать жизнью ради них?» – мелькнула подлая мысль.

И пока я, гуманист и буревестник разума, трясся за свою шкуру, Рэм бросился к шлюзу. Распахнув люк, он выскочил на верхнюю площадку трапа и стал подавать руку поднимавшимся старейшинам. В этот миг в иллюминаторе стало темно. На площадку обрушились, как водопад, крылья и когтистые лапы подлетевшего ящера. Рептилия впиалась острыми когтями в грудь Рэма, приподняла его над площадкой, разбила клювом голову и стала подниматься, оглашая всё вокруг победоносным криком и шелестом своих костистых перьев.

Несколько секунд я смотрел вслед исчезающему в фиолетовой дымке чёрному силуэту, не понимая, что сейчас произошло. Вдруг меня словно пробил электрошок. Я схватил лазер и, расталкивая набившихся в рабочий отсек дикарей, выбежал на площадку трапа.

Жертвоприношение было в разгаре. Птицы, растравленные лёгкой добычей, играли с толпой, как кошки с мышами. Они хватали дикарей, подбрасывали их в воздух, отпускали на высоте пяти-шести метров и возвращались за новой добычей. Их огромные страшные клювы работали как молотилки, выкрашивая толпу в фиолетовый цвет урийской крови.

Это возбудило меня ещё больше. Я включил максимальную плотность луча и стал жечь без разбора всё вокруг. Луч модулятора самозабвенно исполнял пляску смерти и, как танец Саломеи, творил свою жестокую расправу. Вспыхивали один за другим ящеры. Их будущие жертвы: дикари, женщины и дети дикарей – все оказались в огненном котле моего безумия.

Когда в небе не осталось ни одной летающей тени, я опустил модулятор и огляделся. Взору предстал ужас, совершённый человеком, которому Бог даровал разум и право сильного...

Часть 7. Ещё одна ошибка и...

Старейшины и четвёрка вождей племени, опустив головы, молча прошли мимо меня к трапу и спустились на поверхность родной планеты, выжженной диким, необузданным пришельцем. Они опустились на колени и долго смотрели на догорающее кроваво-фиолетовое месиво их родных и близких. Как стожары на скошенном поле смерти, повсюду торчали обугленные скелеты ящеров. Немногие оставшиеся в живых члены стаи сбились в крохотные группки. Припав на колени, они мерно раскачивались и выли тоскливую песню смерти.

Последний из вождей, проходя мимо меня, задержался и, не поднимая головы, подал глиняную чашу, на дне которой посверкивали несколько фиолетовых капель.

– Ри-э-эм, – произнёс вождь, передавая мне чашу.

– Что «риэм»? – переспросил я.

Он поднял на меня заплаканные глаза. «Ри-э-эм!» – при этом слове вождь взмахнул руками, изображая птицу.

– Рэм?! – воскликнул я.

Вождь утвердительно закивал головой, схватил мою руку и как бы рассёк её своей ладонью. «Ри-э-эм!» – повторил он, затем вновь уронил голову на грудь и поспешил вслед за спустившимися по трапу братьями.

Я понял его совершенно. Мне предстояло рассечь руку и перемешать свою кровь с каплями крови бедного Рэма, чудом попавшими в эту чашу, и...

Я переводил взгляд то на катышки крови в чаше, то на страшную панораму смерти вокруг. Энергетический ком нервного припадка дробился внутри меня на фрагменты. Тело тошнило и трясло. Боясь потерять бесценные фиолетовые крохи надежды, я, шатаясь, вошёл в капсулу и как мог бережно опустил чашу в безопасное место.

Теперь предстояло осознать случившееся и сделать правильный шаг. Я понимал, что ещё одна моя личная ошибка может навсегда погубить главное – идею планеты Урия.

В геном человека Бог заложил массу замечательных качеств. Но среди них есть одно, на мой взгляд, наиболее замечательное. Когда мы попадаем, казалось бы, в безвыходную ситуацию, наш мозг начинает работать на опережение событий и выбирает лучший вариант действия для достижения желанной цели, не гадая о том, как было бы правильнее поступить, исходя из имеющейся информации. Он обладает скрытой способностью к предвидению и разматывает клубок непреодолимых обстоятельств с конца, оглядывая предстоящие действия из будущего как уже совершённые. Это позволяет ему принять единственно правильное решение. Но эта удивительная способность нашего генома реализуется при одном обязательном условии: если тончайшую работу ума не парализует сердечный страх перед обстоятельствами.

Я отложил в сторону модулятор и ракетницу, снял скафандр, который не снимал с момента приземления на Урию, и переоделся в простой спортивный костюм, предназначенный для отдыха и расслабления. Накинув на плечи любимую кожанку, подарок отца и «всепогодный» талисман в моих передвижениях по Вселенной, я вышел на площадку трапа, прикрыл за собой шлюзовой люк и, стараясь не глядеть на пепелище, быстрым шагом направился в деревню.

Часть 8. Покаяние

На подступах к деревне меня поразили зловещая тишина и отсутствие жизни. Одиноко горели костры, но ни старух, ни ребятишек рядом не было. Я направился к центру деревни, где возвышалось памятное «лобное место». За моей спиной происходили мимолётные передвижения-перебежки. Но стоило повернуть голову, всё тут же замирало и зловещая тишина, как разинутая пасть огромного зверя, дышала мне в лицо горячо и нетерпеливо.

Я подошёл к возвышению и по выступам корневищ вскарабкался наверх. На переплетении лиан лежала брошенная шаманом деревянная пластина-бубен. Я поднял её и, сложив ноги по-шамански крест-накрест в положение, напоминающее начальную позу йоги, ударил ладонью в бубен.

Припомнив ритмику и нарастающую силу шаманских ударов, я старался воспроизвести всё в точности. Минут через пять первые, наиболее смелые обитатели деревни вынырнули из своих укрытий и приблизились ко мне на безопасное расстояние. За ними следом вышли вожди и старейшины. Их действия ободрили прочих дикарей, и те стали покидать свои укрытия.

Короткими пружинистыми перебежками они приближались к возвышению. Струйки детей потекли между ними.

Когда племя, вернее, то, что от него осталось, собралось вокруг «лобного места», я отложил бубен и припал головой к корням. Глядя на моё покаянное положение, сначала вожди, за ними – старейшины, а следом и все уцелевшие члены племени попадали на камни и шкурами прикрыли головы.

Минут десять мы стояли на коленях друг перед другом. Затем я встал и воздел руки к небу. Стая в точности повторила моё движение. Я опустил руки и спрыгнул с возвышения. Ко мне подошли вожди, старейшины и остальные члены стаи. Один из вождей протиснулся сквозь толпу и побежал к ближайшей хижине. Через минуту он вышел из неё с каким-то ожерельем в руке. Ещё раз ловко пробравшись через плотное кольцо дикарей, он подступил ко мне.

Я разглядел, что ожерелье представляло собой нанизанные на крупный волос животного острые клыки какого-то хищника, возможно чёрной птицы-ящера. Вождь воздел ожерелье вверх и под одобрителный гул толпы торжественно опустил его мне на плечи. Нетрудно было догадаться, что это сакральное действие посвящало меня в высшее руководство племени. Толпа ещё раз опустилась на колени и замерла. Я развёл руки в стороны и совершил круг на месте. Толпа мгновенно прочитала мои мысли, стала подниматься с колен и расходиться.

...Примерно через час смертельно усталый, я вполз по трапу в рабочий отсек капсулы. Подержав на ладони чарку с фиолетовой памяткой о дивном человечке Рэме, я бережно поставил её на место. Завтра, всё завтра, а сейчас – спать! Во исполнение собственного распоряжения, не раздеваясь, я повалился на ближайшую горизонталь и мгновенно уснул.

Часть 9. Рэм умер, да здравствует Рэм!

Наступило утро. Молодое урийское солнце цвета спелого лимона протиснулось в небольшой иллюминатор капсулы и зависло на хромированной поверхности приборной доски. Как только я проснулся, оно вздрогнуло и выкатилось восвояси. Щурясь вослед, я взглянул в иллюминатор. Четвёрка вождей и несколько молодых дикарей с широкими деревянными подносами стояли под ступенями трапа и терпеливо ждали моего пробуждения. Я открыл люк и вышел на площадку. Аромат раннего утра коснулся меня тонким фиолетовым холодком. При моём появлении вожди склонили головы, а молодые дикари припали на колени. На подносах были разложены всевозможные местные яства. «Однако!» – Я спустился по трапу и присел на предпоследнюю ступеньку. Дикари поднесли еду. Выбрав что-то похожее на жареное мясо, я попробовал, оказалось вкусно. Особенно мне понравилась «столовая зелень» фиолетового цвета типа нашего базилика, но с привкусом рукколы.

Перекусив, я позвал одного из вождей, указал на нетронутые нагромождения еды и жестом обозначил ребёнка. Вождь кивнул головой и распорядился. Еду с подносов переложили в корзины, и молодые дикари, навьюченные поклажей, отправились в деревню. Вожди раскланялись со мной и зашагали вслед за ними.

Я вернулся в капсулу и взял нож. Предстояло рассесть руку от локтя вниз, к ладони, и стекающую кровь смешать с кровяными катышками Рэма. Всего раз мне пришлось заниматься членовредительством. И хотя с того памятного события прошло не более двух недель, рана на руке полностью затянулась. Иногда мне казалось, что никакого чуда не было и Рэм мне попросту приснился. В сомнениях сердца я медлил приступить к задуманному. Припомнились слова отца: «Если не можешь что-то преодолеть, посчитай дело сделанным и в своих действиях вернись назад, вспоминая об этом деле как уже совершённом». Я вообразил нового Рэма, точно такого же, каким был мой прежний замечательный брат. Ещё я подумал: что будет, если я этого не сделаю? В моих руках жизнь и бытие человека, а я трушу, как элементарная дарвиновская тварь!

Скользящим движением я рассёк руку и наклонил рану к чаше. Тёплая красная кровь, как талая зажора притопила фиолетовые катышки запёкшейся крови Рэма, и... наступила пора чуда!

Действительно, содержимое чаши стремительно увеличивалось в объёме и постепенно принимало вещественную форму. Увы, окончания чудесного процесса я не видел. От волнения у меня потемнело в глазах, и я готов был уже упасть в обморок (хорош астронавт!). Тут кто-то коснулся моего плеча и произнёс: «Здравствуй, брат!» Усилием воли я сбросил обморочное оцепенение и открыл глаза – передо мной стоял совершенно голый Рэм и светился человеческой улыбкой счастья!

– Рэм, бродяга, это ты! – воскликнул я, пытаюсь унять волнение сердца.

– Рэм? Почему Рэм?

– Рэм, Рэм, Рэм! Кто же ещё!

Сердце мое щебетало. Пряча подступившие к глазам слёзы, я достал из каптёрки одежду.

– Одевайся, дружище, мы снова вместе!

Из предложенного разнообразия Рэму пришлось по вкусу тельняшка и лёгкий спортивный костюм.

– Порядок! – Я придирчиво оглядел Рэма. Его ладная пружинистая фигура совершенно походила на мою, но были и отличия, придававшие абсолютной копии некий урийский первобытный шарм.

На ваш вопрос: «Урийский первобытный шарм – это как?» – я отвечу так: Рэм на толику больше, чем я, сутулился в плечах, в его движениях чувствовалась кошачья пружина охотника, вынужденного подбираться к добыче вплотную, его нижняя челюсть чуть больше выступала вперёд, как у мудрого удава Каа. Подобная особенность лицевого строения говорила о приоритете чувственной моторики над аналитической в общении с окружающим миром. Наверняка у погибшего Рэма были те же физиологические особенности, но я воспринимал его как чудо и ничего подобного в его облике не замечал.

Мой подробный анатомический разбор Рэма № 2 ещё раз подтвердил печальную истину: мы быстро привыкаем даже к чудесам и восторг души добровольно обмениваем на скучную аналитику происходящего.

Часть 10. Надежда подлежит восстановлению

Я взялся отремонтировать повреждения капсулы в надежде вернуться на безлюдную орбитальную станцию, которая наматывала виток за витком вокруг Урии. В ночном небе я не мог видеть её движение. Орбита станции лежала в противоположной полусфере планеты. Но я надеялся на благополучие материнского модуля, исходя, прежде всего, из моего законного права надеяться на лучшее во чтобы то ни стало.

К счастью, в приборном отсеке чуть ли не треть полезной площади была отведена под ЗИП. Помню, на Земле, в Академии астронавтики, как только мы не шутили над гипертрофированной предусмотрительностью Главного конструктора станции, добродушного Адама Петрича. А зря, прав оказался Главный, как в воду глядел.

Потянулись долгие, кропотливые ремонтные будни. Рэм оказался толковым и рукастым помощником. Через пару дней работы он уже понимал общую концепцию аппаратного обеспечения и порой указывал мне на то, что я в пылу ремонта упускал из виду.

Дикари исправно каждое утро приносили отменную еду и небольшие, но выполненные от души подарки. Как правило, это были вязанные из соломы зверушки или незатейливые предметы быта.

Ремонт продвигался на удивление споро. Я имел возможность менять целые блоки аппаратуры, не распаивая микросхемы и не выламывая из базовых плат сгоревшие элементы.

Главный бортовой компьютер, чудом сохранивший работоспособность после сотрясения, принимал в своё распоряжение всё новые и новые отремонтированные узлы общей аппаратной системы.

Часть 11. Охота

Однажды во время утренней трапезы один из вождей что-то шепнул Рэму, хитро поглядывая в мою сторону.

– Они зовут тебя на охоту. Говорят, в окрестностях деревни объявился огромный борУ. На завтра назначена охота.

Рэм, возбуждённый предчувствием чего-то необычного и интересного, смотрел на меня широко раскрытыми глазами, вымаливая согласие.

– Передай вождю, я приму участие в охоте, – ответил я, дружески хлопнув его по плечу.

В тот же день вечером вместо традиционного антропологического ликбеза и рассказов о Вселенной темой нашего разговора была охота! Рэм задавал бесчисленное количество вопросов, и, пожалуй, главный из них звучал так: какое право мы имеем убивать животное, которое не причинило нам никакого вреда?

– Понимаешь, Рэм, – ответил я, невольно опуская глаза под напором наивного, не знающего злобы взгляда, – мир устроен так, что в нём выживает сильнейший. БорУ, на которого завтра будет охотиться стая, и наверняка убьёт его, ведь тоже охотник. Его жертва – более слабый зверь. Ты сам по утрам принимаешь из рук дикарей куски мяса и ешь их. Они же не выросли на деревьях. Это фрагменты убитых зверей или домашней птицы. И ты не оплакиваешь их смерть, а пользуешься ею.

– Да, это так. И всё же объясни мне: почему моё существо при мысли о завтрашней охоте ликует от радости? Почему будущее убийство вызывает во мне не вздох сожаления, а веселье, как от вина, которое я пробовал из твоих рук?

– Наверное, когда-нибудь человек перестанет радоваться чужой смерти. Поверь, Рэм, это всё, что я знаю.

На следующее утро ни свет ни заря меня разбудили крики дикарей и отрывистые звуки, напоминающие голоса детских пищалок. Я поглядел в иллюминатор и увидел охотничье «войско» в полной, явно не потешной амуниции. Дикарей шестьдесят с «шипованными» дубинами и копьями, бродили толпой возле трапа капсулы. Копья имели каменные наконечники, привязанные лоскутами лиан к срезанным и ошкуренным стволам молодых деревьев.

– Н-да, серьёзная сила, – улыбнулся я. – Рэм, вставай! Завтрака, похоже, сегодня не будет.

Предупредительность оказалась излишней. Рэм, уже одетый, нетерпеливо ёрзал в углу и ждал моего пробуждения.

– Пора?! – выпалил он, и даже дал петуха, как только я поглядел в его сторону.

– Да, выходим, – ответил я и вложил в боковой карман правой голени заряженную трасерами ракетницу. Модулятор я брать не стал, решив не воскрешать воспоминания дикарей.

Мы спустились по трапу и смешались с толпой охотников. Процессия двинулась в ближайший лесок, представлявший из себя полупроходимые заросли вьющегося в камнях кустарника. Редкие стволы крупнолистных деревьев торчали из общей клубящейся массы растительности, как фиолетовые сугробы, и служили ориентирами в пути.

Урийское солнце ещё таилось за горным перевалом, но небо, предчувствуя его скорое появление, уже перекрасило слоистую гряду облаков из ночного пепельно-серого фиолета в розовый кармин наступающего утра.

Ватага добровольцев, шествующая впереди охотничьего войска, вошла в глухие колючие заросли кустарника. Как мне пояснил Рэм, подслушивая мысленные переговоры дикарей друг

с другом, в задачу авангарда добровольцев входило потревожить зверя и гнать его на основные «армейские» силы, которые выстроились в каре, выставив вперёд копыта в ожидании зверя.

– Рэм, – удивился я, – спроси: а если зверь не побежит в западню и вильнёт в сторону, что тогда?

Рэм пошептался с одним из вождей, потом повернулся ко мне и сказал:

– Они говорят: побежит.

Я достал на всякий случай ракетницу и спрятался за камни во втором эшелоне охотников.

Вскоре послышался треск ломающегося валежника и острые, как язычок змеи, крики туземцев. Шум быстро усиливался. Похоже, всё шло по плану: зверя подняли и гонят на каре.

Вдруг долина огласилась невероятным по силе рыком. Вслед послышались тревожные и жалобные выкрики туземцев. Дикари стали переглядываться друг с другом. Судя по рыку, огромная величина борУ не вписывалась в их расчёты. Оставалось только догадываться о незавидной судьбе горстки смельчаков.

Копьеносцы первой линии один за другим стали перебегать в тыл нашему порядку и прятаться за большими камнями. Каре, охваченное страхом, редело на глазах. Дикари стали всё чаще поглядывать в мою сторону, надеясь на гарантированную защиту. Думаю, не будь меня среди них, они бы давно разбежались.

Я пожалел о том, что не взял модулятор. Ракетница – это, конечно, хорошо, шуму много. И только.

Зверь стремительно приближался. Голоса погонщиков смолкли. Слышались только хруст ломающегося кустарника и глухие удары лап о каменистую почву. Казалось, долина сотрясается от бега исполина. Воинственный дух оставил охотников совершенно. Каре рассыпалось. Его испуганные фрагменты попрятались в каменные проёмы за моей спиной. Наше доблестное войско «перестроилось» в новую форму, напоминающую немецкую рыцарскую свинью. На переднем крае этого «свинского порядка» оказались мы с Рэмом. Честно говоря, на такое откровенное свинство со стороны «товарищей» по охоте я не рассчитывал.

Рэм, не имевший ещё опыта смерти, беззаботно, как дитя, поглядывал на меня, чувствуя сердцем, что теперь именно от моих действий зависит исход охоты. Я велел ему отойти за камни. Распоряжение его огорчило. Он медлил. Мне пришлось повторить приказ более строгим голосом. Только тогда этот большой ребёнок вразвалочку направился в укрытие.

Я перезарядил ракетницу, вставив вместо сигнальных ракет обойму с так называемыми психопатическими трассерами. Они не могут произвести поражающее действие пули, но способны нарушить моторику и психологическое состояние противника. Оставалось надеяться, что в «устройстве» борУ помимо мышц и клыков есть и что-нибудь нервическое.

В этот момент последний ряд кустов, отделявших разъярённого зверя от горе-охотников, затрещал, и чудовище, напоминающее носорога, но размером со слона вывалилось на поляну. Пользуясь моментом, пока борУ застыл, размышляя, что делать дальше, я выстрелил, целясь животному в глаз – единственное место, через которое я мог потревожить его нервную систему. Выстрел оказался удачен. Отчаянно мотая огромной – полутораметровой – мордой, чудовище издало пронзительный рёв и поднялось на задние лапы. Вторично я выстрелил в пах, заметив розовое пятно слегка ворсистой кожи в нижней части бронированной туши. И этот выстрел достиг цели. Одна из задних лап животного задёргалась в конвульсиях, борУ потерял равновесие и всей своей тяжестью рухнул на камни метрах в четырёх от меня, подняв в воздух облако фиолетовой пыли.

Как только животное, тяжело дыша, замерло, парализованное на малое время трассерами-паралитами, осмелевшие дикари повскакали из-за своих укрытий и с криками типа «Виват, Глория!» бросились к поверженному зверю. Они окружили его плотным кольцом, не переставая воинственно галдеть и трясти оружием. Тут ко мне очень кстати подбежал Рэм.

– Рэм, скажи им, что надо убить зверя, иначе он скоро очнётся и тогда...

Я не успел договорить фразу, как огромная туша борУ дрогнула, зверь зашевелил лапами и подцепил когтями сразу двух туземцев. Он поднял добычу в воздух и раскрыл огромную пасть. Я выскочил из своего укрытия и разрядил до последнего патрона ракетницу прямо в отверстие горло зверя.

Наступил момент икс, беречь патроны не было никакого смысла. Или мы сейчас угомоним этого гиганта, или он очнётся и разнесёт всех нас так, что мама не горюй!

Взволнованный, с глазами, горящими, как два смоляных факела, Рэм был великолепен! Он бегал от вождя к вождю, тормошил их, указывая на меня, и всячески призывал к немедленным действиям. Увы, убедить их стоило труда.

Зверь снова впал в анабиоз, и дикари окончательно решили, что на этот раз с ним покончено. Два несчастных туземца, поднятые в воздух, затихли на весу. Сдавленные острыми когтями, они обмякли и не подавали признаков жизни. Впрочем, на них никто не обращал внимания. Все с интересом разглядывали поверженного борУ и трубили победу.

Но вот один из вождей, ещё раз выслушав Рэма, тревожно взглянул в мою сторону. Я сложил руки крест-накрест и, указывая на борУ, показал жестом, что охота не закончена. Вождь мотнул головой и издал короткий воинственный клёкот. Толпа мгновенно притихла, и началась сосредоточенная работа. Четыре дикаря взвалили на плечи огромное копьё, которое представляло собой шестиметровую жердь, похожую на длинный бамбуковый хлыст. С боевой стороны жердь заканчивалась полуметровым отточенным, как игла, каменным наконечником. К первой четвёрке присоединились ещё несколько дикарей. Процессия отбежала от зверя метров на двадцать. Вождь крикнул вторично, и дикари понеслись что было духу к поверженному гиганту, застывшему в неестественной позе с поднятыми вверх лапами. Копьё, как в масло, вошло в грудь чудовища чуть выше живота. Направление удара было рассчитано правильно, и наконечник копья, похоже, поразил зверя в самое сердце.

БорУ очнулся, оглушительно взревел, перекатился по камням, ломая копьё и вдавливая в грунт не успевших отбежать охотников. Затем он каким-то чудом поднялся на лапы, шатаясь, сделал несколько шагов в сторону леса и рухнул ниц, с оглушительным треском подминая под себя кустарник. Какое-то время он ещё жил, оглашая долину прощальным рёвом и вскапывая лапами каменистую почву, будто задумал вырыть себе могилу. Но судьба поединка была решена.

Только тогда я почувствовал, что у меня впервые в жизни трясутся, как у старика, руки и на глаза наворачиваются горячие, как кипятки, слёзы. Я отвернулся от умирающего борУ и пошёл прочь не разбирая дороги.

Окончания поединка и смерти несчастного великана я не видел, поэтому не стану описывать в подробностях то, что мне потом весь вечер рассказывал Рэм, восторженный и смущённый одновременно. БорУ действительно ни в чём не был виноват перед своими победителями. Какими доводами ни оправдывай жестокость на охоте (убийство – это всегда преднамеренная жестокость), в момент убийства убивающий сам превращается в зверя. Звероподобное состояние может длиться всего мгновение, но сам факт его присутствия в разумной материи разрушителен. Запомните, друзья: убивая зверя, человек превращается в зверя, убивая птицу или рыбу, человек тоже превращается... в зверя!

Часть 12. Фиолетовый – цвет надежды

Через неделю капсула была отремонтирована. Полифонические знания о станции, которые мы штудировали на Земле и «перештудировали» перед каждым предстоящим полётом, реально отозвались в успешной реанимации совершенно убитого на первый взгляд оборудования.

Старт я назначил на следующее утро. Перед дорогой надо было как следует выспаться, а главное – окончательно уговорить Рэма лететь со мной. На все предложения о совместном путешествии Рэм отвечал уклончиво или отмалчивался.

Наступил вечер. Мы сидели в рабочем отсеке и пили чай, приготовленный из дивной урийской полевой травки уто, что на языке дикарей значит «звёздная матерь». За станционным «окошком» разыгралась настоящая непогода. Крупные капли дождя лупили по бронированному стеклу иллюминатора. Казалось, ещё немного и первые из них брызнут на стол с нашей скромной вечерней трапезой. Рассерженное урийское небо я наблюдал впервые. Все полтора месяца пребывания на планете меня окружал прозрачный дымчато-фиолетовый небосклон, не зашторенный никакими грозными скоплениями молекулярной влаги. Невольно думалось, что добрая, славная Урия наверняка догадывается о предстоящем расставании и пытается что-то сказать мне «на посошок», проливая щедро, по-урийски, свои дивные фиолетовые воды.

Рэм сидел напротив и был явно не в себе. Он вертелся, слишком много ел, то и дело, как волчонок, исподлобья поглядывая на меня. Наконец он не выдержал и начал разговор первым:

– Ромул, не лети! Зачем тебе лететь? Здесь так хорошо, ты – вождь, тебя любят, у тебя есть я...

– Послушай, Рэм, не дури. Мы полетим вместе. Поверь, это очень важно. Я даю слово, ты вернёшься на Урию. А сейчас прошу тебя, соглашайся!

– Нет, брат, я останусь, я должен остаться.

– Рэм, не забывай, ты – человек. Пусть ты родился на Урии, но твоя планета – Земля!

– Э-э, какой я человек? Во мне течёт фиолетовая урийская кровь. Я никогда не стану одним из вас, да и не хочу этого. Помнишь, ты пошёл прочь, чтобы не видеть смерть борУ? Так вот, старый Лиу сказал мне тогда: «Когда-нибудь Большой брат захочет вернуться на небо, он будет звать тебя с собой, но тебе нельзя. В твоём сердце течёт урийская кровь. Есть предание, которое мы храним уже много Великих падв², послушай его». И он рассказал мне, как однажды на Урию спустился с неба такой же Большой драго³. Но это был жестокий драго. Он заманил одного из наших братьев в жилище летающего дра(го)кона, распахнул страшные огненные пасти и умчался на небо. Небесная птица Ао рассказывала, как ужасно страдал наш брат вдали от Урии и как он умер, потому что его кровь потеряла цвет надежды...

Рэм первый раз за вечер не таясь посмотрел мне в глаза.

– Фиолетовый цвет – это цвет надежды! Теперь ты понимаешь, почему я не могу лететь с тобой?

Он замолчал, обдумывая что-то.

– Но я могу дать тебе свою кровь, и ты создашь там, на Земле, другого Рэма! Дать?..

По горестной интонации, с какой Рэм предложил мне свою кровь, я почувствовал всю меру его горячей привязанности ко мне.

– Нет, Рэм, – ответил я ему. – Если я покажу людям возможности урийского фиолета, не знаю, насколько правильно они это воспримут. Астронавта, о котором говорил старый Лиу, звали Роберт. Роберт Скарлей. Это был действительно «жестокий драго». Он плохо кончил. Впрочем, не о нём речь. Но я не поручусь за то, что среди многих миллиардов землян не найдётся по крайней мере ещё один такой драго. Вы все славные фиолетовые ребята. – Я сглотнул подступивший к горлу ком нежности. – И дай бог, чтобы человек или иной покоритель Вселенной подольше не лез к вам со своим любопытным и алчным разумом...

Рэм затаив дыхание слушал меня. Казалось, он старается запомнить каждое сказанное мной слово. Я обнял его, встал из-за стола и вышел на площадку трапа. Ливень стих. Ноч-

² Падва (сокращение от «Гуди-падва») – индуистский праздник Нового года. Гуди-падва празднуется в первый день прибывающей луны месяца чайтра по индуистскому календарю и знаменует приход весны.

³ Драго (урийск.) – пришелец.

ное урийское небо походило на полог огромного шатра, прошитый драгоценными сверкающими нитями. «Где-то, – подумал я, – среди них таится и моя нить. Земная старушка Ариадна расплела свои седые косы на тысячи галактических орбит. Люди свили из её серебряных седин сотни межпланетных узелков-станций. Конечно, негоже мне оставлять волосок старушки неприбранным. Нить надобно скатать в клубок и вернуть по назначению.

А как же Рэм? Может, я не прав и в его присутствии рядом просто ищу личную выгоду? Но ведь он – это я. Я?..

Да, Ромул, он – это ты! До сих пор ты старался быть благом для урийских поселян, что же останавливает тебя теперь? Будь добр, твори добро до конца! Не кради бесценное семя Земли, пусть прорастает оно среди фиолетовых чудес!

Наступит время, потомки Рэма и твои правнуки встретятся на далёкой планете по имени Надежда. Они пройдут по её каменистым склонам, наблюдая причудливое сочетание тверди и неба как ещё один пример великого галактического многообразия!

– Ромул, видишь ту светящуюся точку? Это – моя Урия! – скажет один из них, указывая на крохотную звёздочку, мерцающую над острием горы.

– Конечно, Рэм, – улыбнётся другой, – отлично вижу, но это – Земля!

– Ты прав, – задумчиво ответит первый, – ведь мы на планете Надежда...

Фаддей Альхов

Поэтическая версия восточной легенды: О Великом Властелине Шухая

Железная поступь XXI века неумолимо меняет лик планеты, и столь же неумолимо нарастает угроза её экологии, всему существу на земле: людям, фауне, флоре. Но как сохранить извечную гармонию в этой триаде, как уберечь от утхания саму землю с её величием и красотой? Ответить на этот вопрос вместе с учёными и мыслителями стараются и мастера слова – поэты и писатели.

В центре этой проблемы и поэтическое сказание Альфреда Хобера о мудром охотнике Тун Ли и владыке тайги – тигре Великом Ване. В основу сказания положена и поэтически осмыслена повесть «Великий Ван» Николая Байкова (1872–1958), изданная в 1936 году в китайском Харбине. И, не обратившись к творчеству певца легендарного Шухая («Лесного моря»), нельзя, пожалуй, во всём его величии увидеть, услышать и понять колдовскую прелесть таёжного мира. Ещё в школьные годы у Коли Байкова проявилась истая любовь к природе, увлечение царством животных и растений. А встреча его, пятнадцатилетнего подростка, с великим русским путешественником Н. М. Пржевальским стала судьбоносной. «Русский богатырь-землепроходец» подарил юному другу свою книгу «Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869» с дарственной надписью, сказав при этом: «Возьми эту книгу и постарайся её дополнить».

И случилось так, что в 1901 году недавний юнкер Н. Байков оказался в Маньчжурии, в Заамурском округе пограничной стражи Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). А потом – после Октябрьской революции, в годы Гражданской войны, – волей судеб Н. Байков, не принявший власть большевиков, оказался в Белой армии, с остатками которой он в октябре 1922 года снова попал в Маньчжурию. Здесь-то, в Харбине, и проявился у Байкова с особой силой талант натуралиста, который счастливо сочетался с художественным даром, а трезвый рассудок учёного – с поэтическим видением мира. По словам биографа Н. Байкова Кима Рехо, «логос и поэзия, дополняя друг друга, слились в его творчестве».

Повесть «Великий Ван» принесла Н. Байкову мировое признание. А известный японский писатель Кикуги Канн назвал её «первоклассным произведением мировой анималистической литературы». В книге содержится и ключ к разгадке той популярности, которой она до сих пор пользуется на Дальнем Востоке, особенно в Японии.

Для отечественного читателя байковский шедевр фактически вплоть до наших дней остаётся неизвестным: идеологические вериги времени крепко держали его в своих объятьях все долгие семь десятилетий. И, чтобы понять сущность и прелесть хоберовского поэтического сказания о Великом Ване, нельзя не обратиться к повести Николая Байкова.

История тигра – владыки маньчжурских лесов и гор, его жизнь от рождения до смерти – таков сюжет повести. Таёжные жители называют его Великим Ваном потому, что на широком плоском лбу тигра ясно вырисовывались очертания иероглифа Ван («царь»), а на затылке – Д («великий»). А сам замысел повести возник у Байкова, несомненно, под влиянием пленившей его восточной легенды о Великом Ване, в котором воплотился Горный Дух, царящий над природой. «Душа великого человека, – гласит эта легенда, – совершает цикл своих перевоплощений, поселяется в теле Великого Вана, а с его смертью переходит в цветок лотоса, невидимый для смертных, и пребывает в нем до полного очищения и слияния с мировой душой Вселенной».

Восточный колорит повести завораживает читателя, однако манера изображения и само её философское видение было непривычно для восточного читателя той поры. И ещё, что особенно важно, восточный художник созерцает природу в состоянии вечного покоя; он стремится передать её «настроение», его мало интересует зрительный эффект. Байков же изображает различные сферы зримого мира, передает все волшебные оттенки музыки леса. «Байков был превосходным художником-пейзажистом... Его пейзаж отличается объемностью, тогда как восточные читатели привыкли к одномерности изображения» (К. Рехо). И такое буддийское мирозерцание приводит к тому, что человек в природе обезличивается, растворяясь в ней; он часть природы, живет её настроениями, не внося в неё своих чувств. Один из знатоков буддийского мирозерцания С. Елисеев так истолковывает его: «В силу такого взгляда японец не мог обратиться к природе как к чему-то живому, себе подобному... Описывая природу, сравнивая себя с нею, он стремился войти в неё. С собою он природу не сравнивал и её не очеловечивал».

По-иному видится это Н. Байкову: он персонифицирует природу. Для него «лесное» общество – это своеобразный слепок человеческого общежития. Деревья и звери «думают»; их настроения изменчивы, как и человеческие чувства. Известно, что особый культ тигра на Дальнем Востоке связан с преклонением древнего человека перед грозной, сверхъестественной силой этого гигантского зверя. Тигр внушал страх и ужас, власть его была неограниченной. Байков же переосмысливает восточную легенду: если в той природе поглощает человека, властвует над ним, то Байкову дорога идея самоценности человеческой личности. Два существа в повести названы великими: это – Ван и старик Тун Ли, таёжный охотник, «читающий язык зверя, понимающий его душу». Они поставлены рядом, наравне, и на их взаимоотношения автор стремится проверить свою сокровенную идею о мировой гармонии.

Тун Ли живёт по законам природы. С владыкой гор он дважды сталкивается на таёжной тропе: «Взгляды человека и зверя встретились. Расстояние сокращалось. Решительность и уверенность движений, несокрушимая воля, светившаяся в его взоре, импонировала царю тайги, и он пощадил старого ветерана, как и тогда, уступив дорогу... В сознание его проникло неведомое дотоле чувство уважения к человеку, проявившему сильнейшую волю и присутствие духа. Он был подавлен этой волей и побежден превосходством высшей духовной силы».

Выходит, что человек – царь природы? Нет, автор «Великого Вана» спорит с этим современным мифом: Ван уступил старику Тун Ли дорогу потому, что уважал его. Однако уважение Вана к человеку очень скоро поколебалось. Какой-то охотник, пользуясь хитроумными силками, убил его молодую подругу. Тигр мстил охотнику, когда видел его безумные, полные ужаса глаза: и владыка леса потерял уважение к царю природы. Нет, и тут Байков не согласен с таким принижением человека. И он рисует неприглядную картину надвигающейся на тайгу великой беды: «Появились новые «пришельцы», построившие «железные тропы» и пустившие по ним своих «послушных чудовищ»... Насмотревшись вдоволь на невиданное для него зрелище железнодорожной станции с её ослепительными звуками, поглощающими знакомые ему звуки тайги, Ван встал и заревел долго и протяжно, как бы жалуясь и в то же время угрожая могучему врагу». В этом реве зверя слышится и щемящая тоска автора по умирающей красоте Шухая – лесного моря – под натиском железного века. Да, нарушен веками создававшийся порядок в Шухае. Потеряно жизненное пространство звериного царства и растительного мира. Исчезает и дивная музыка звериных ночей. Безмолвствует превращенный в пустыню Шухай. Началось великое противостояние человека и зверя.

И тогда вновь возникает фигура Великого Старца Тун Ли. На совещании старейшин Шухая он говорит, что надо умилостивить Горного Духа, принести Великому Вану человеческую жертву. Он уверен, что спасение – не в противостоянии, ведущем к взаимному истреблению. Ради этого Тун Ли решил пожертвовать собою. В последний раз он встретился с Великим Ваном на месте жестокой схватки охотника и зверя. Смертельно раненный осколком разрыв-

ной пули, тигр готовился нанести страшный удар врагу. В этот роковой момент между ними встает фигура старца Тун Ли. Он пришел сюда выполнить свой обет и принести себя в жертву, как того требовал Закон тайги.

Ван был поражен и озадачен. Он помнил первую встречу с Тун Ли, когда уступил ему дорогу. И теперь, «появив его чистые помыслы», Ван должен сойти с его пути. И он сошел. Из уважения к Человеку. Старик долго шёл по следам уходящего Вана. Наконец зоркие глаза его увидели фигуру могучего зверя, неподвижно лежащего на вершине утеса.

Смерть Вана величественна. В самой его смерти – выражение спокойствия, красоты и силы: «Солнце багрово-красным шаром опускалось в туманную марь горных далей. Косые лучи его бросали кровавые блики на утёсы, скалы и голову хищника, неподвижную, как гранитное изваяние. Могучая фигура его возвышалась над хребтами гор».

Но, следуя легенде, Байков пишет, что Ван не умер – он заснул глубоким сном. «Настанет время, когда Великий Ван проснётся, и могучий голос его прокатится по горам и лесам, рождая многокрасочное эхо. Небо и земля содрогнутся, и пышно расцветет прекрасный цветок священного лотоса». Байковское видение сущего в отношениях человека с природой очень созвучно видению его одногодки – славного писателя В. К. Арсеньева (1872–1930) в документально-художественной повести «Дерсу Узала», написанной тринадцатью годами раньше. Тун Ли – это собрат Дерсу Узала, и оба они – дети природы, страстные защитники и хранители волшебного таёжного мира.

Проницательный читатель, безусловно, обратит внимание на два немаловажных момента байковской повести – её пролог щедро напоён жизнью: «Была ранняя весна. Тайга ожила, и буровато-серый фон её зеленел молодой листвой и изумрудом юных побегов...», но как жесток эпилог: «Пустыня безмолвствовала». И согласитесь, разве не стало сегодня еще более актуальным байковское предостережение о нарастающей угрозе всему человеческому роду?

А написана-то повесть «Великий Ван» в те годы, когда не только в нашей стране, а, скорее, во всем мире господствовала мичуринская максима: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у неё – наша задача». А в Америке, охваченной жаждой наживы, на заводах Форда на каждом станке красовалась пластинка с издевательской надписью: «Рабочий, берегись машины! Бог создал человека, но не создал запчастей к нему».

* * *

А в поэтическом сказании Альфреда Хобера древняя восточная легенда, по-своему осмысленная Николаем Байковым, получила свое поэтическое воплощение: но это не просто ее пересказ, а сказ «о величии великих, о добре и зле в их жизни». Поэзия – это творческое упоение. Поэт верит: гены добра в схватке со злом, пронизавшие легенду, неодолимо врачуют сердца и души читателей; об этом – напутственные строки поэта:

*Всем вам будет мёд целебный
В час мучительных исканий;
Станет умиротвореньем
Во чреде раздумий трудных;
И спасительной молитвой
В час свободный созерцанья...*

И стал хоберовский сказ своеобразным поэтическим гимном во славу Человека, хранителя извечной гармонии мира:

Лад, гармония, согласие —

*Основной Закон Шухая,
И ему все подчинялись,
Жили, как велел Закон...
Жили, жизнью наслаждались,
Много знали друг о друге
Человек и Тигр таёжный —
Ван Великий и Тун Ли.*

Сказ разворачивается степенно и величаво, а слова искрятся, звенят в едином ритмо-мелодическом ладе, и сливаются органично стих рифмованный и белый стих с его волшебной бунинской строфикой.

Вот осень,

*Краски пробуя, играя,
По щемящему Шухаю
Жжёт бездымные костры.*

А это весна шествует по тайге:

*Пихты, лиственницы, ели
Дружно лапами махали,
Сосны медные качались
Под ветвями-парусами —
Шёл тайгою шум зелёный,
Вал за валом наплывая.*

В своем сказе А. Хобер удачно перемежает оба поэтических лада. Выразительно изображение поединка старого охотника и Властелина Шухая: тут рифма, как нигде, усиливает смысловую палитру текста:

*Два взгляда скрестились, как тропы в распадке,
Стоят в напряжении Тигр и Тун Ли —
Огромный и скромный, — готовые к схватке,
Безмолвно глаза поединок вели...*

А вот финал последней встречи Тун Ли с Властелином Шухая оправданно подан всё тем же белым стихом:

*Над тайгою возвышаясь,
Засыпал Тигр — Ван Великий,
Незаметно камня
И сливаясь с тем утёсом.
Расплывались очертанья —
Тигра грозного величье,
И цветок рождался — лотос,
Знак небесный — лотос белый...
Колокольный звон печальный
Над ночной звучал тайгою,
Рокотал: ушёл Великий!..*

Вечность ход свой продолжала.

*Александр Липатов,
профессор Марийского государственного университета, доктор
филологических наук.*

Сказание о Тун Ли и Великом Ване

Пролог

Всем, кого влекут легенды,
Древне-дивные преданья, —
Восхитительная повесть
От Байкова Николая
О величии великих,
О добре и зле в их жизни,
Повесть-сказ «Великий Ван»:

Всем вам будет мёд целебный
В час мучительных исканий;
Станет умиротвореньем
Во чреде раздумий трудных;
И спасительной молитвой
В час свободный созерцанья...

Там, где реки, извиваясь,
По тайге стремятся к морю,
Брызжут пенными волнами,
Вдаль уносят гребешки,
В том лесном краю безбрежном,
Что Шуаем величают,
В фанзе скромной, мхом покрытой,
Жил Тун Ли, охотник мудрый,
А кругом – тайги разлив.
Край, волнуемый как море,
От Большого гор Хингана,
От широкого Амура
И до Жёлтой Сунгари.
Первозданный край восточный.
Там деревья-великаны —
Ильмы, ясени и ели —
Хвойный лес, широколистный;
А ещё кедровый стланик —
Как китайская стена,
Дебри, заросли густые,
Дом надежный для зверей.
Там пугливые козули,
Благородные изюбры,
Кабанов стада клыкастых,
Кошки дикие и рыси,
Барсы вольные, как ветры,
Косолапые медведи

И Властитель мест таёжных —
Тигр с вершины Пак-Ту-Сан.
Лад, гармония, согласие —
Основной Закон Шухая,
И ему все подчинялись,
Жили, как велел Закон.
Звери,
птицы,
и деревья,
Горы,
реки,
и болота,
И Тун Ли —
охотник мудрый —
Основной Закон блюли.
Справедлив Тун Ли – охотник,
Зверолов в дремучих чащах.
Знал язык зверей, их душу
Понимал мудрец Тун Ли.
Жил в тайге Правитель главный,
Всеми признанный Владыка —
Тигр, которого все знали,
Звали все Великий Ван.
Жили, жизнью наслаждались,
Много знали друг о друге
Человек и Тигр таёжный —
Ван Великий и Тун Ли.
И лишь дважды в жизни долгой
Довелось им повстречаться,
И стоять друг против друга,
И смотреть глаза в глаза.
Чем закончились те встречи
У Тун Ли с Великим Ваном,
Море видело Лесное,
Знает край тайги – Шухай.
От рожденья и до смерти
Повелителя Шухая —
Восхитительная повесть
От Байкова Николая,
Повесть-сказ «Великий Ван»...

1. Противостояние

Весна

Зубцы дальних гор

Подернулись легкой дымкой...

Весть подают:

Вот он, настал наконец

Первый весенний рассвет

Сайгё

Отгуляли вьюги злые,
И метели отплясали,
И бураны скрылись в горы —
Круговерти не слышать.
Солнце красное с востока
Стало ярче и теплее,
И снега сошли ручьями,
Зимний холод унесли...

И тайга весенним шумом
Наполнялась, хорошела,
Расставалась, не жалея,
С хмурым сумраком лесным...
По тайге весна катилась
Нежной зелени клубами,
И колючками цеплялись
Барбарис и бересклет.
Нависали кедры кроной,
Пихты, лиственницы, ели
Дружно лапами махали,
Сосны медные качались
Под ветвями-парусами —
Шёл тайгою шум зелёный,
Вал за валом наплывая.
Пели птицы, славя солнце,
Колокольчиковый щебет
Затухал в дремучих дебрях.
По тропинкам скрытым звери
Выходили на охоту,
Норы, лежбища, берлоги
Осторожно покидая.
Звал весенний дух в дорогу,
Вёл инстинкт – обычай древний...

Поединок

...Усталый охотник домой возвращался,
К заветной шёл фанзе приметной тропой.
Тайгой обновленной Тун Ли восхищался —
Он в музыке леса купался душой.

Шуршали мохнатые пихты и ели —
Шумела тайга океанской волной,
И ветры, играя, вели Тун Ли к цели —
В родимую фанзу под старой сосной.

Тропинка змеилась, в распадок сбегала —
Туда, где прозрачный сребрился ручей.
Тайга открывалась, Тун Ли волновала
На всем протяжении и дней и ночей.

Ласкали зелёно-пологие склоны
И плоские блюда открытых вершин
Увалов и кряжей маньчжурской короны,
Где каждая сопка – червонный алтын.

Законы Шухая – тайги повеленья —
Тун Ли исполнял, как молитву берёт.
Таёжный охотник был смелым в решеньях
В лесу – среди нор, среди гнёзд и берлог.

По тропам звериным Тун Ли шёл упорно,
Выслеживал зверя, читая следы,
Ступал осмотрительно тропкою горной
От всплеска зари и до яркой звезды.

Весеннюю свежесть всей грудью вдыхая,
Тун Ли по простору цветастому плыл:
Дышал с наслаждением, душой отдыхая,
И принял лишь то, чем Шухай одарил.

Вот солнце затмилось – за сопкой пропало,
Сверкнуло жар-птицей над кромками гор.
И первые звёзды небес замигали.
Тун Ли покоряет таёжный простор...

Вечер

Мягко вечер приближался,
Темнота сгущалась в чащах,
И всплывали в небе звёзды,
Месяц лодочкою плыл.
Над тайгою перевозданной,
Над широким чудным краем,
Вечер тихо опускался,
Тёплый воздух освежая
И неся ночной покой.
Робкий шелест, вслед – шуршанье,

Темнота гнездилась в ветках,
Птицы, звери и деревья —
Все готовились ко сну...
Тропа убегает, скалу огибая...
Вдруг в мягком сиянии вспыхнувших звёзд
Тун Ли видит Тигра. Тропу преграждая,
Тот встал, словно кряж, в исполинский свой рост.

Могучий лоб Тигра, широкий и плоский,
Иероглифом «Ван», как алмазной звездой,
Увенчан отчетливым титулом броским:
Ван – Царь! Повелитель тайги вековой!

А мощного Тигра затылок просторный
Иероглифом «Д» ярким светом горит —
Великий! Владыка долинный и горный!
Иероглиф, как факел, о том говорит.
Глядел на охотника Тигр, не мигая,
Смотрел и охотник на Тигра в упор:
Так вот ты какой, Повелитель Шухая —
Долин, и предгорий, и кряжистых гор!
Два взгляда скрестились,

как тропы в распадке,

Стоят в напряжении

Тигр и Тун Ли —

Огромный и скромный, —

готовые к схватке,

Безмолвно глаза поединок вели...

И словно на меч Тигр наткнулся,

ступая, —

Охотник в глазах его вырос до туч.

Впервые растерян Владыка Шухая:

Пронзил его свет – человеческий луч.

Решительность взгляда

и огненность духа —

Они подавили сознание Царя,

И тот отступил,

рыкнул, словно белуха,

Глаза пламенели,

как два янтаря.

Тигр был поражён,

потрясён,

озадачен,

Охотника мысли —

что девственный лес;

Он понял

и принял их

нравом горячим —

Оскалив клыки,

Время движется.
И осень,
Краски пробуя, играя,
По щемящему Шухаю
Жжёт бездымные костры.
Пляшут пёстрые поляны,
Угасают листья, травы.
Пламя осени танцует —
Всё горит в её кострах.
Ветры резкие и ливни
Разметают лес дремучий,
И потоки, убегая,
Упадут в Сунгари шумно,
А затем Амура волны,
Колыхаясь и ныряя,
В океан умчат валы...

Последняя встреча

...Старейшин волю исполняя —
Вернуть согласие в мир лесов, —
Тун Ли, надёжный друг Шухая,
Собой пожертвовать готов.
И он предстал пред грозным зверем
В рубахе чистой, как душа;
Глаза сияли светлой верой,
Орлиной зоркостью дыша.
Глаза в глаза.

Тун Ли спокоен,
Уверен и невозмутим,
Решителен и непреклонен.
Великий Ван стоит пред ним...
Зверь раненый – страшнее вдвое,
Царь раненый – грозней в сто раз.
Великий Ван перед собою
Вновь видит блеск мудрейших глаз,
Как родники с водою чистой
Среди таёжной красоты,
Все помыслы Тун Ли – лучисты,
Все помыслы Тун Ли – чисты...
И вспомнил Ван тот поединок
Далёкой раннею весной:
Щедрее солнце грело спину
И свежий воздух был хмельной.
А он готов был, как и прежде,
Убить того, кто перед ним.
Но... не сбылась в тот раз надежда —

Мудрец Тун Ли несокрушим.
Душа Тун Ли была сильнее.
А помыслы – родник лесной —
Проникновеннее, светлее,
Чем неба просинь в час ночной.
Взгляд мудреца проникновенный
Великий Ван отбить не смог...
Тун Ли, охотник вдохновенный,
Стоит блажен и одинок...

И, жертвенностью покорённый,
Великий Ван ошеломлён,
Лесной Владыка и Царь горный

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.